

В Великой Чжоу аристократы презирали чиновников, чиновники презирали простых бюрократов, бюрократы презирали военных, а все вместе они презирали евнухов.

Дуань Линлун был первым среди евнухов своего времени.

Можно представить, как относились к Янь Сяоханю, приемному сыну евнуха, — возможно, даже хуже, чем к самому евнуху.

По какой-то причине слова И Сымина не вызвали у Фу Шэня отвращения, а лишь легкое сожаление, словно он видел цветок, который только что распустился, но уже был сорван.

Ах да, цветок.

Он поднес цветок к глазам и внимательно рассмотрел его. Но, взглянув впервые, его лицо застыло.

Черт возьми, это был лотос-близнец!

На следующий день Фу Шэнь проснулся, а Янь Сяохань уже покинул резиденцию. Их вчерашний разговор закончился ссорой, и слуги, почувствовав напряжение, вели себя сегодня особенно тихо, боясь случайно вызвать его гнев.

Фу Шэнь, вспомнив старые сны, понял, что вчерашний спор не был чем-то серьезным. У каждого свои цели, он не мог требовать, чтобы все шли его «правильным путем». К тому же он знал характер Янь Сяохана — тот не был добрым и честным, но и не был таким бессердечным, как сам о себе говорил.

В этот день резиденция маркиза Цзиннина была полна гостей. После того как Фу Шэнь долго стоял на коленях у ворот дворца, шесть цензоров подали совместный меморандум с увещеваниями, а герцог Ин закрыл свою резиденцию, сославшись на болезнь, столица с нетерпением ждала, чем закончится этот фарс. Сяо Сюнь, конечно, не мог прямо передать выдумку Фу Шэня, поэтому лишь туманно сказал: «Маркиз сейчас выздоравливает в резиденции господина Яня». Однако это заявление вызвало множество домыслов, и те, кто был в курсе, узнали, что Министерство церемоний готовит свадьбу, и стало ясно, что брак между Янь Сяоханем и Фу Шэнем уже решен.

В отличие от этого, резиденция Янь была намного спокойнее. Во-первых, потому что Янь Сяохань все еще был при дворе и отбивал все попытки выяснить что-либо, а во-вторых, потому что стража Летящего Дракона имела слишком дурную репутацию, и мало кто хотел с ней связываться. Фу Шэнь, будучи человеком, который легко приспособился, комфортно проводил время в резиденции Янь, считая, что она в сто раз лучше его заброшенного поместья. Здесь были приятные глазу красивые служанки, три разнообразных приема пищи в день и всевозможные сладости. Кроме того, что приходилось сжимать зубы и пить горькое лекарство, прописанное Шэнь Ицэ, все было идеально.

Вечером, вернувшись домой, Янь Сяохань услышал, как Фу Шэнь в комнате восклицал:

— ...Картины и каллиграфия Хэ Тяо сейчас на вес золота, многие мечтают получить хотя бы одну работу, а он просто повесил их здесь... Твой господин вообще понимает в этом что-то?

С тех пор как он здесь поселился, атмосфера в резиденции Янь стала менее сдержанной. Легкий смех служанок, словно звон колокольчиков, доносился из полукрытого окна. Янь Сяохань остановился, прислушался, и в его сердце внезапно возникло странное чувство — одновременно спокойствия и неудовлетворенности.

Он с необоснованной обидой подумал: «Я приносил тебе лекарство и воду, я должен был быть тем, кто любит с тобой картинами и пьет чай. Почему ты смеешься с ними, а мне даже улыбки не дашь?»

Он хотел сделать шаг вперед, но ноги будто приросли к земле. Эмоции внезапно остыли, и Янь Сяохань вновь пережил свои мысли, словно разжевав кусок льда. Он горько усмехнулся и спросил себя: «Да, а почему я должен?»

Этот шаг он так и не смог сделать. Янь Сяохань чувствовал себя улиткой, потерявшей раковину. Вчера он сдался, а сегодня больше не мог притворяться спокойным перед Фу Шэнем.

Он повернулся и направился к выходу из двора, но одна из служанок, обладавшая острым слухом, заметила его:

— Господин вернулся.

Все поспешили открыть дверь и пригласить его внутрь. Фу Шэнь обернулся от книжной полки, держа в руках чашку чая с ягодами годжи и финиками. В его глазах еще сохранялась улыбка, словно он специально оставил ее для него, и он приветствовал:

— Вернулся.

Янь Сяохань, не ожидавший такого приема, замер. Фу Шэнь, заметив его плохое настроение, спросил с заботой:

— Что случилось? Неужели что-то произошло?

Он обратился к служанкам:

— Идите, приготовьте ужин. Я поговорю с вашим господином.

Его тон и манера были такими, будто он был вторым хозяином в этом доме. Раньше Янь Сяохань никогда не задумывался, какую жену он хотел бы взять, возможно, он бы прожил жизнь в одиночестве. Но эта сцена, казалось, естественно заполнила недостающий кусочек его мечты.

Он не хотел углубляться в эти мысли, собрался с духом и сел напротив Фу Шэня:

— Министерство церемоний назначило дату свадьбы на двенадцатое февраля, праздник цветов. По моему мнению, сейчас, когда указ о браке только что вышел, если ты попросишь императора отпустить тебя в Яньчжоу, он обязательно откажет. Лучше подождать до конца года, тогда ты подашь прошение, в котором укажешь, что собираешься жениться, и попросишь разрешения отправиться в Яньчжоу, чтобы почтить память отца и дяди и сообщить о свадьбе товарищам. Если отправишься в январе, а вернешься в феврале, император, скорее всего, согласится.

Фу Шэнь немного подумал и кивнул:

— Звучит разумно, пусть будет так.

Он вдруг осознал, что с тех пор, как он начал жить с Янь Сяоханем, он все чаще говорил «пусть будет так». Это было странное чувство, но он не испытывал неудовольствия от того, что решения принимались за него. Наоборот, он чувствовал облегчение. Ведь если бы он сам принимал решения, он, вероятно, поступил бы так же.

Более того, решения, которые не вызывали у Фу Шэня возражений, всегда были выгодны для него. Янь Сяохань, как «чужак», искренне заботился о его интересах. Если это происходило раз или два, это можно было назвать случайностью, но если это повторялось снова и снова, это было глубоко скрытой заботой.

— Как же приятно, когда не нужно обо всем думать самому, — с легкой грустью подумал Фу Шэнь. — Тот, кто заслужит его искреннюю заботу, наверное, станет совсем избалованным.

Закончив с серьезным разговором, они замолчали, и в комнате повисла неловкая тишина. Наконец Фу Шэнь начал:

— Ты выглядишь неважно, что-то случилось?

Янь Сяохань, сидя в кресле, все еще держал спину прямо, но покачал головой:

— Ничего.

Фу Шэнь ему не поверил, но, как бы он ни был проницателен, он не мог понять загадочных мыслей Янь Сяохана. Он осторожно спросил:

— Ты плохо спал? Или... ты все еще злишься из-за вчерашнего?

Брови Янь Сяохана слегка приподнялись, выражая удивление, но он не ответил.

Фу Шэнь все понял: этот человек говорил «ничего», но всем своим видом показывал «у меня есть проблема, я не скажу, успокой меня».

Он подумал: «Избалованный».

Но вслух продолжил:

— Ты правда злишься? Потому что я вчера сказал тебе убираться?

Янь Сяохань с пренебрежением фыркнул.

Фу Шэнь, с трудом сдерживая улыбку, с выражением «раз уж ты просишь, я из вежливости успокою тебя» сказал:

— Я был неправ, не стоило тебе так говорить. Вы, господин, великодушны, не сердитесь на меня, ладно?

Янь Сяохань пристально смотрел на него, и Фу Шэнь почувствовал, как по его коже побежали мурашки. Он с трудом выдержал этот взгляд, а через мгновение Янь Сяохань резко отвернулся и рассмеялся.

Фу Шэнь с облегчением вздохнул и потрогал свое ухо — оно было горячим.

Он с недоумением подумал: «Я что, больной? Почему бы просто не дать ему умереть от злости?»

Янь Сяохань долго не мог остановить смех, а Фу Шэнь, потерявший всю свою притворную нежность, бросил на него холодный взгляд:

— Ну что, теперь ты перестал капризничать?

Янь Сяохань сложил руки в поклоне и спокойно сказал:

— Да. Спасибо за заботу, маркиз.

Фу Шэнь усмехнулся, повернул инвалидное кресло и направился к двери:

— Ну и взрослый же ты.

В ту ночь, примирившись, они снова собрались в спальне. Ничего серьезного, просто Янь Сяохань, как обычно, зашел проведать Фу Шэня перед сном. В последние дни он сам помогал ему одеваться, купаться и передвигаться, но с лекарством, поскольку днем его не было дома, он перестал следить лично. За пятнадцать минут до сна служанка принесла лекарство, как раз когда Янь Сяохань по просьбе Фу Шэня отправился в кабинет за книгой. Когда он вернулся, Фу Шэнь полулежал на кровати, а на столе стояла пустая чашка.

Янь Сяохань почувствовал что-то неладное. Он передал Фу Шэню книгу, с сомнением взглянул

на чашку, и Фу Шэнь, заметив его взгляд, спросил:

— Что-то не так?

Янь Сяохань повернулся, его взгляд скользнул по лицу Фу Шэня.

— Что-то не так.

Фу Шэнь:

— А?

Янь Сяохань спросил:

— Ты выпил лекарство?

Фу Шэнь:

— Выпил. — Он указал на чашку:

— Вот же она.

<http://bllate.org/book/15271/1347946>